

А. Герцен

Былое и думы. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А11 **А. Герцен**
Былое и думы. Часть 1 / А. Герцен – М.: Книга по Требованию, 2021. – 128 с.

ISBN 978-5-458-03542-2

ГЕРЦЕН Александр Иванович (1812-1870), русский революционный деятель, писатель, философ, публицист. Родился 25 марта (6 апреля) 1812 в Москве, внебрачный сын богатого помещика И.А. Яковлева. В отрочестве зачитывался произведениями русских поэтов, драмами Шиллера, сочинениями французских философов; вдохновлялся историей Отечественной войны 1812 года. В 1833 окончил Московский университет (физико-математическое отделение). В университете увлекся революционными идеями и вместе с своим другом Н.П.Огаревым участвовал в кружке свободомыслящих студентов. Герцен изучал Гегеля и пришел к выводу, что абстрактное теоретизирование на немецкий лад заразило слишком многих его современников излишней схоластикой и книжным подходом к жизни. За политическое вольнодумство был сослан в 1835 в Пермь, далее в Вятку, в 1837 ему разрешили переехать во Владимир, в 1841 - в Новгород. В 1842 он возвратился в Москву. В 1847 покинул Россию, поселившись в Париже. Трагический исход революционных событий 1848-1849 и последовавшая реакция окончательно убедили Герцена в ошибочности его идеализации Франции. Он понял также, что путем насильственных переворотов Европа не сможет приблизить осуществление социальных идеалов. В 1852 Герцен поселился в Англии, где прожил следующие 12 лет. В Лондоне он основал Вольную русскую типографию (1853). После смерти в 1855 царя Николая I и смягчения режима свободная русская газета Колокол, которую он издавал с 1857 в Лондоне (с 1865 - в Женеве), стала широко известна и в России. В 1864 он поселился в Женеве, где хотел установить контакты с молодым поколением российских революционеров, обучавшихся тогда в швейцарских университетах. Но ему трудно было найти общий язык с теми, кого он считал "образованными дикарями", - "пуританским и озлобленным поколением шестидесятников". В конце жизни Герцен обнаружил, что полностью потерял своего читателя. Общественное безразличие привело к тому, что в 1867 публикация Колокола была прекращена. В 1852-1868 Герцен написал обширный мемуарный труд Былое и думы, прекрасный памятник русской литературы 19 в.

Умер Герцен в Париже 9 (21) января 1870.

ISBN 978-5-458-03542-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А. Герцен, 2021

Герцен А. И
Былое и думы (Часть 1)

А. И. ГЕРЦЕН И ЕГО "БЫЛОЕ И ДУМЫ"

Более ста лет назад, в 1854 году, в Вольной русской типографии в Лондоне вышла в свет книга под названием "Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера". Это были первые печатные страницы выдающегося произведения русской и мировой литературы — "Былого и дум" А. И. Герцена.

Великий русский писатель-демократ, ближайший наследник декабристов и один из учителей революционных разночинцев 60-х годов, Герцен прошел сложный путь идейного развития; ему были свойственны противоречия, обусловленные исторической обстановкой тех лет в России и на Западе, но это был процесс непрерывного идейного роста. Герцен неуклонно приближался к познанию научных законов развития природы и общества. Его деятельность всегда была неразрывно связана с передовыми устремлениями русского общества, с освободительной борьбой народа против самодержавно-крепостнического строя.

В большом и многостороннем опыте Герцена как писателя и борца отразился знаменательный исторический процесс — переход к новому этапу в развитии русской революции. Одна из самых значительных фигур среди дворянских революционеров, Герцен в результате длительных и мучительных идейных исканий пришел в лагерь Чернышевского и Добролюбова и закончил свой путь как выдающийся деятель революционной крестьянской демократии.

В. И. Ленин назвал Герцена одним из предшественников русской революционной социал-демократии. В статье "Памяти Герцена", написанной в 1912 году, Ленин с исключительной полнотой и четкостью определил место Герцена в истории русского революционного движения и общественной мысли, ведущие тенденции мировоззрения писателя, то, что в его взглядах и деятельности принадлежало народу.

Страстный революционный борец сочетался в Герцене с мыслителем, философом-материалистом. Ленин оставил исчерпывающую оценку значения философских исканий Герцена, который еще в 40-х годах, в условиях крепостной России, "сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени"¹.

Замечательный художник-реалист, автор всемирно-известных мемуаров и ряда других произведений, Герцен был крупнейшим публицистом, основателем вольной русской прессы за границей. Тонкий и проницательный критик и теоретик искусства, он оставил глубокий след в развитии русской и мировой эстетической мысли.

В литературной борьбе своего времени Герцен играл видную роль как один из наиболее демократических русских писателей 40-60-х годов. В его взглядах на литературу и искусство отразились наиболее прогрессивные традиции русской критической и эстетической мысли, традиции Пушкина, декабристов, Белинского, эстетические принципы русской революционной демократии 60-х годов. Герцен горячо и последовательно отстаивал принципы передового реалистического искусства, справедливо усматривал в правдивом, обличительном слове художника-реалиста могучее средство революционной борьбы.

Преследуемый царским правительством, лишенный возможности вести революционную пропаганду, Герцен был вынужден покинуть свою родину, чтобы в эмиграции продолжать борьбу за свободу родного народа. Он уехал из России накануне больших революционных событий в Европе. Его знакомство с буржуазной цивилизацией Запада, с культурой и общественным укладом крупнейших европейских стран проходило в грозные дни нарастания революционной волны 1848 года. Вскоре Герцен стал свидетелем одной из самых трагических страниц европейской и мировой истории — торжества реакции, потопившей в крови восстание пролетариата.

Поражение революции 1848 года в Западной Европе глубоко потрясло Герцена. Тяжелые и мучительные переживания, вызванные крушением "гениального вдохновения парижского народа", как называл он баррикады памятного года, трагическое изживание былых социальных надежд, связанных с революционностью европейской буржуазной демократии, совпало с крушением личной жизни Герцена. Осенью 1851 года во время кораблекрушения погибают его мать и сын, 2 мая 1852 года в Ницце умирает жена. "Все рухнуло: общее и личное, европейская революция и домашний кров, свобода мира и личное счастье Камня на камне не осталось от прежней жизни".

В августе 1852 года, после скитаний по Европе, Герцен приехал в Лондон. "Я не думал прожить в Лондоне больше месяца", — вспоминал он впоследствии; однако ему предстояло провести в столице Англии почти тринадцать лет. И трудно сказать, была ли когда-нибудь раньше жизнь Герцена столь напряженной и страстной, его деятельность столь кипучей и неутомимой, как именно в эти годы лондонской эмиграции.

"...Надобно было, — писал Герцен, — во что б ни стало снова завести речь с своими, хотелось им рассказать, что тяжело лежало на сердце. Писем не пропускают — книги сами пройдут; писать нельзя — буду печатать, и я принялся малопомалу за "Былое и думы" и за устройство русской типографии".

Рассказ о своей жизни стал частью великого революционного дела Герцена. Вершина его художественного творчества, "Былое и думы" явились величайшей летописью общественной жизни и революционной борьбы в России и Западной Европе на протяжении нескольких десятилетий — от восстания декабристов до кануна Парижской Коммуны. С огромной художественной силой, законченностью и полнотой "Былое и думы" запечатлели облик Герцена, все пережитое и передуманное им, его искания и борьбу, его кипучую страсть революционера, его яркую мечту о свободной родине

Записки Герцена были одной из тех книг, по которым изучали русский язык Маркс и Энгельс. К "Былому и думам", как и к публицистическим статьям и философским работам Герцена, обращался В. И. Ленин. В красочных картинах и образах "былого", в глубоких раздумьях писателя-философа, то скорбных, то призывно страстных, перед нами проходит та сложная и противоречивая "духовная драма Герцена", которая, как указывал В. И. Ленин, была "порождением и отражением" целой "всемирноисторической эпохи"².

"Поэт и художник, — писал Герцен в "Былом и думах", — в истинных своих произведениях всегда народен. Что бы он ни делал, какую бы он ни имел цель и мысль в своем творчестве, он выражает, волею или неволею, какие-нибудь стихии народного характера..." Эти слова целиком относятся к художественной авто-

биографии Герцена, которую в полной мере можно назвать книгой о русском народе, его жизни, его истории, его настоящем и будущем. Это — подлинная "энциклопедия русской жизни" середины прошлого столетия. Идейное содержание "Былого и дум" исключительно велико и многосторонне. Нет ни одного сколько-нибудь важного момента в развитии передовой русской мысли того времени, который бы не нашел своего отражения в повествовании Герцена. Жизнь передового русского общества после поражения восстания декабристов, идейная борьба 40-х годов, поиски правильной революционной теории, появление в русском освободительном движении разночинной интеллигенции, ее место в общественно-политической борьбе 60-х годов — каждая из этих сторон русской действительности освещена в "Былом и думах" в тесной связи с рассказом о жизни и духовном развитии самого Герцена, его неустанной борьбе с самодержавием. Самая яркая фигура 40-х и 50-х годов, Герцен, по словам Горького, "воплощает в себе эту эпоху паразитально полно, цельно, со всеми ее недостатками и со всем незабвенно хорошим"³.

Чувство глубокой любви к России пронизывает страницы "Былого и дум" и согревает воспоминания великого патриота о далекой родине; оно сохраняется Герценом даже в рассказах о самых мрачных днях его прошлого. По словам самого писателя, в "Былом и думах" "при ненависти к деспотизму сквозь каждую строку видна любовь к народу" (письмо к И. С. Тургеневу, 18 января 1857 г.).

Глубоким, пронизательным взглядом смотрел Герцен и на жизнь Западной Европы "перед революцией и после нее", видел кровавую расправу реакции с восставшим народом, торжество сытого, ограниченного буржуа-мещанина, лицемерие буржуазной демократии, прикрываемое громкой либеральной фразой, и рост массового движения революционного пролетариата. "Былое и думы" показывают борьбу Герцена в огне революционных событий Запада, лондонский период его эмиграции, идейное развитие великого демократа в направлении к научному социализму.

Герцен говорил, что "чем кровнее, чем сильнее вживется художник в скорби и вопросы современности — тем сильнее они выразятся под его кистью" (письмо к М. П. Боткину, 5 марта 1859 г.). Именно активное участие Герцена в революционно-освободительном движении, в напряженных исканиях передовой русской общественной мысли и явилось источником величайшей художественной силы "Былого и дум" и всего литературного творчества писателя.

Через свой личный жизненный опыт Герцен стремился познать закономерности исторического развития. Историзм искандеровских воспоминаний исходил из тонкого, необычайно глубокого понимания происходящих событий и самой эпохи. В социальной действительности своего времени Герцен пылливо ищет силы, обусловившие наблюдаемые им явления. Этот глубокий историзм "Былого и дум" величайшее завоевание художественных мемуаров во всей мировой литературе. Исторические конфликты и события здесь перестали служить лишь фоновым автобиографическому рассказу.

Стремление рассказать о своей жизни, своих впечатлениях, мыслях, чувствах всегда сопутствовало художественным замыслам и начинаниям Герцена. По словам еще молодого Герцена, для него не было "статей, более исполненных жизни и которые бы было приятнее писать", чем воспоминания (письмо к Н. А. Захарьиной, 27 июля 1837 г.). Но ранние очерки и наброски автобиографическо-

го характера не могли удовлетворить его — и не только потому, что он был не в состоянии рассказать тогда о своем участии в революционно-освободительной борьбе передового русского общества "связи с непреодолимыми цензурными препятствиями. Узость и ограниченность социальной базы, на которую опирался самый опыт революционной деятельности Герцена как в 30-е годы, непосредственно после разгрома декабристского движения, так и в 40-е, лишили его возможности рассматривать свою биографию в широком плане борьбы с деспотическим самодержавно-крепостническим строем. Автобиографические начинания молодого Герцена даже в лучших своих страницах неизбежно оставались в рамках художественной исповеди дворянского революционера. Перед Герценом-писателем не возникала тогда проблема выразить в рассказе о своей жизни освободительные устремления всего народа, проблема того "отражения истории", которое он сам впоследствии будет усматривать в "Былом и думам". Уровень развития революционного движения в России в 30-х и 40-х годах не позволял Герцену в борьбе передовых сил тогдашнего русского общества видеть в полной мере проявление освободительной борьбы самого народа.

Сложная творческая история "Былого и дум" отразила противоречивый путь Герцена-мыслителя и революционера в годы перелома его мировоззрения, завершившегося полной победой демократа над колебаниями в сторону либерализма.

Герцен начал писать свои мемуары в лондонском одиночестве 1852 года. Поводом, первым толчком, побудившим его оглянуться на свое былое, явилась наболевшая потребность рассказать "страшную историю последних лет жизни". Ранние замыслы записок ограничивались трагическими событиями семейной жизни Герцена. Мемуары были тогда его "надгробным памятником", в них он хотел запечатлеть все "слышанное и виденное" им, все "наболевшее и выстраданное". В конце первой недели работы перо писателя выводит лаконичный и волнующий заголовок будущего труда — "Былое и думы". В эпиграфе одного из ранних предисловий к мемуарам Герцен написал: "Под сими строками покоится прах сорокалетней жизни, окончившейся прежде смерти". Но случилось иначе, и книга Герцена стала не "надгробием" быломu, а памятником его борьбы и больших идейных побед.

Позднее Герцен вспоминал, как родились первые страницы "Былого и дум": "Я решил писать; но одно воспоминание вызывало сотни других; все старое, позабытое воскресало: отроческие мечты, юношеские надежды, удаль молодости, тюрьма и ссылка... Я не имел сил отогнать эти тени"

Мемуары захватили писателя; несмотря на то что работа над ними совпала с организацией Вольной русской типографии, постоянно отвлекавшей и время, и силы, и интересы Герцена, он настойчиво продолжал писать главу за главой. Выдающийся успех первых отрывков из "Былого и дум" окрылил писателя. Но прежде чем печатать в "Полярной звезде" ту или иную главу мемуаров, Герцен снова и снова возвращался к работе над ней.

Особенно долго и упорно он работал над главами о 40-х годах, заключавшими в себе рассказ об идейной борьбе в кругу русской интеллигенции, деятельным участником которой был он сам. "Писать "Записки", как я их пишу, — признавался Герцен в письме к М. К. Рейхель от 23 декабря 1857 года, — дело страшное, но они только и могут провести черту по сердцу читающих, потому что их так страшно писать... Сто раз переписывал главу... о размовке, я смотрел на каждое

слово, — каждое просочилось сквозь кровь и слезы... Вот... вам отгадка, почему и те, которые нападают на все писанное мною, в восхищении от "Былого и дум", — пахнут живым мясом".

"Кровью и слезами" Герцен рассказал о Западной Европе 40- 60-х годов, в частности о революционных событиях во Франции в 1848 году. Один из значительных разделов мемуаров составили художественные портреты "горных вершин" европейского освободительного движения и очерки о жизни и борьбе лондонской эмиграции — пестрой "вольницы пятидесятых годов".

В серии очерков о русских общественных и политических деятелях автор "Былого и дум" запечатлел жизнь русской революционной эмиграции 50-60-х годов. История создания Вольной русской типографии и знаменитой газеты Герцена Огарева "Колокол" переплеталась в этих очерках с выразительными художественными характеристиками и портретными зарисовками современников Герцена.

Заключительные части "Былого и дум" отразили глубокий перелом, который произошел в мировоззрении Герцена в 60-х годах. Он увидел революционный народ в самой России и "безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма"⁴. Расставаясь со своими записками, Герцен сумел передать в них предчувствие новой исторической эпохи. Последние строки мемуаров писались незадолго до писем "К старому товарищу" (1869), получивших в статье Ленина "Памяти Герцена" высокую оценку как свидетельство нового, высшего этапа в развитии мировоззрения Герцена. Заключительные части и главы мемуаров ярко показывают, что Герцен приближался к пониманию исторической роли западноевропейского рабочего класса. Кончая рассказ о "былом" и настоящим, Герцен смело заглянул в будущие судьбы России и Европы.

В 1866 году, в предисловии к четвертому, заключительному, тому отдельного издания "Былого и дум", Герцен предельно четко сформулировал свое понимание в основном уже написанных им мемуаров: "Былое и думы" — не историческая монография, а отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге". Знаменательно, что это классическое определение созрело в сознании Герцена в завершающий период его длительной работы над мемуарами. Разумеется, оно применимо к "Былому и думам" и в целом, но сознательная установка писателя на "отражение истории" в своей биографии тесно связана главным образом с последними частями и главами мемуаров, содержанием которых явилась прежде всего общественная жизнь Герцена. Он пришел в эти годы к такой форме записок, которая почти полностью исключала рассказы об интимных переживаниях и личных драмах. Это были годы его мучительных отношений с Тучковой и вызванных ими бесконечных семейных конфликтов, между тем даже имени Тучковой не появляется в мемуарах. Изменилось также само соотношение воспоминаний и непосредственных откликов на современность. Теперь "былое" в значительной степени сменяется в записках настоящим, воспоминания уступают место злободневным "думам" и размышлениям.

Части и главы, относящиеся к 60-м годам, содержат значительную переоценку ценностей, именно здесь особенно выпукло выступают связанные с духовным развитием Герцена внутренние противоречия в характере, содержании и отдельных идейных положениях мемуаров.

В 60-х годах Герцен не мог удовлетвориться прежним освещением событий,

поэтому он нередко в своих записках полемизирует сам с собою. Так, культ передовой дворянской интеллигенции, столь ярко отразившийся на страницах "Былого и дум", посвященных декабристам, или в главах о 30-40-х годах, уступает теперь место пристальному и с каждым годом все более сочувственному вниманию к русской демократической молодежи, к ее воззрениям на жизнь, к ее быту, но главное — к ее роли в развитии русской революции. В седьмой части "Былого и дум" Герцен пишет о разночинной интеллигенции 60-х годов, как о "молодых штурманах будущей бури"; как известно, эта высокая оценка писателем нового революционного поколения цитируется Лениным в его статье "Памяти Герцена"⁵. При всех критических замечаниях по адресу "нигилистов" из молодой эмиграции Герцен не может не признать могучую силу, которую представляют революционеры-разночинцы 60-х годов в русском освободительном движении. Ему становится очевидным, что надежды, которые ранее связывались им с передовыми кругами русского дворянства, в значительной мере оказались несостоятельными

"Былое и думы", наряду с "Письмами из Франции и Италии" и книгой "С того берега", с полным правом можно рассматривать как памятник духовной драмы Герцена после поражения революции 1848 года. Но в отличие от "Писем из Франции и Италии" и "С того берега" в "Былом и думах" ярко отражена дальнейшая идейная эволюция Герцена, которая привела его под конец жизни не к либерализму (как многих буржуазных демократов Западной Европы эпохи революции 1848 года), а к демократизму, к глубокому интересу и пристальному вниманию к революционной борьбе западноевропейского пролетариата и к деятельности руководимого Марксом и Энгельсом Интернационала.

В последних главах "Былого и дум" наряду с резкой критикой западноевропейской буржуазно-демократической интеллигенции 40-х годов, которая "народа не знала", как и ее не знал народ, Герцен пересматривает свое прежнее понимание перспектив исторического развития Европы. Он оценивает отныне исторические судьбы всего человеческого общества взглядом, полным оптимизма и уверенности в будущем, поскольку с каждым днем все более убеждается в том, что эти судьбы находятся в руках "рабочников", то есть класса пролетариев. Интерес к "рабочническому населению" Италии, Франции, Швейцарии проходит через весь "путевой дневник" заключительной части "Былого и дум". В главе "Venezia la bella", написанной в марте 1867 года, Герцен решительно утверждает, что через "представительную систему в ее континентальном развитии", то есть, по существу, через буржуазный строй, "часть Европы" прошла, "другая пройдет, и мы, грешные, в том числе". И если в 1848 году воцарение буржуазных отношений ужасало его, то в конце 60-х годов Герцен вплотную подходит к мысли, что само развитие капитализма создает условия для своего уничтожения и установления нового, социалистического строя. В статьях цикла "К старому товарищу" глубокий анализ современного Герцену буржуазного общества завершается знаменательным выводом о том, что "конец исключительному царству капитала и безусловному праву собственности так же пришел, как некогда пришел конец царству феодальному и аристократическому". В предсмертных письмах к Огареву Герцен с гениальной проницательностью предсказывает историческую победу французского пролетариата — Парижскую Коммуну.

В свете общепринятых представлений о мемуарной литературе записки Герцена явились необычным, не укладывающимся в традиционные понятия жанровых категорий произведением Герцен как бы стирает грани между мемуарами и беллетристическим повествованием.

"Былое и думы" представляет собой сложное сочетание различных жанровых форм, мемуара и исторического романа-хроники, дневника и писем, художественного очерка и публицистической статьи, сюжетно-новеллистической прозы и биографии. Смешение жанров внутри мемуарного обрамления было связано с особенностями всей стилевой структуры "Былого и дум". Герцен еще в 30-х годах отмечал странную "двойственность" своих литературных опытов: "...одни статьи выходят постоянно с печатью любви и веры... другие — с клеймом самой злой, ядовитой иронии" (письмо к Н. А. Захарьиной, 13 января 1838 г.). В "Былом и думах" "самая злая, ядовитая ирония" переплелась с утверждением бодрого, мятежного начала в единое, цельное восприятие мира революционером-демократом.

Герценовское повествование постоянно перемежается с отступлениями, в которых рассказчик уступает место публицисту, историку, философу, политику, делится с читателем своими мыслями и переживаниями в связи с тем или иным воспоминанием, событием, встречей. Вокруг "исповеди", "около" и "по поводу" ее, говоря словами Герцена, "собрались там-сям схваченные воспоминания из былого, там-сям остановленные мысли из дум".

Широко использованы в "Былом и думах", как существенное звено всего повествования, мемуарные свидетельства, часто без указания источника. Обращение к историческим запискам и воспоминаниям отвечало творческим задачам писателя. Тяготение к автобиографизму в собственной литературной деятельности постоянно вызывало все возрастающий интерес Герцена к мемуарным памятникам XVIII и начала XIX века, особенно — эпохи революции и наполеоновских войн, к биографиям и запискам декабристов, к воспоминаниям современников. Он смело говорит о событиях, происходивших без личного участия рассказчика, переплавляет в едином течении рассказа несколько различных эпизодов, почерпнутых в мемуарах. Так построена, например, вся первая глава "Былого и дум" рассказы Веры Артамоновны смешались с семейными преданиями, воспоминания отца — с собственными переживаниями автора. Так строится образ Николая I: личные впечатления растворили в себе восприятие императора современниками.

"Каждый большой художник должен создавать и свои формы" — обронил как-то Лев Толстой и проиллюстрировал свою мысль "всем лучшим в русской литературе". Среди других классических произведений с "совершенно оригинальной" формой им были названы тогда "Былое и думы"⁶.

Искусство Герцена пролагало новые пути художественным запискам. "Былое и думы" оказали глубокое влияние на будущие судьбы художественной автобиографии в русской литературе, а также революционной мемуаристики, характерной чертой которой становится сознательное стремление автора через свой личный опыт передать поступь всего революционного движения, в судьбе людей запечатлеть судьбу народа, не заслоняя собою, своим личным мировосприятием исторические сдвиги эпохи. На традициях "Былого и дум", продолжая и углубляя их, создавались такие крупнейшие памятники русских художественных мемуа-

ров, как "История моего современника" Короленко и автобиографическая трилогия Горького.

Мемуарный характер "Былого и дум" отнюдь не означал, что Герцен пассивно изображал действительность, что в его творчестве не было той художественной типизации, которую мы находим в повествовательных жанрах. Напротив, понятие художественной автобиографии предполагает творческое обобщение исторически подлинных явлений и событий. Не снижая документальной точности и достоверности описания, Герцен поднимал его до значения художественного исторического полотна большой впечатляющей силы и правды. Портрет вятского сатрапа Тюфяева, сподвижника Аракчеева и Клейнмихеля, у Герцена вырастает в яркий художественный образ, равный по силе собирательным типам Гоголя и Щедрина. Тюфяев показан в мемуарах как законченное, предельно сконцентрированное выражение самодержавно-крепостнического произвола. Старик Яковлев с не меньшей характерностью воплощал собою эпоху старого русского барства. Между тем это реальные, исторические лица. Художественный талант Герцена сказался не только в мастерстве, с которым написаны портреты, но и в самом творческом внимании писателя именно к Тюфяеву, который сам по себе служил обобщающим типом николаевской России, родственным и гоголевскому городничему и "помпадурам" Щедрина.

Типичность "героев" мемуаров явилась существенной стороной художественной характеристики всей портретной галереи "Былого и дум". Из огромного запаса жизненных впечатлений и наблюдений Герцен выбирает наиболее типические моменты, показывающие каждый образ или сюжетную ситуацию в самых важных и характерных чертах.

"Мое восстановление верно, — писал он Тургеневу о портрете жены в записках, — и только отпало то, что должно отпасть: случайное, ненужное, несущественное.." (письмо от 25 декабря 1856 г.). В этих немногих словах выразительно раскрывается художественный метод писателя-мемуариста. Даже на страницах, создававшихся вслед за описываемыми событиями (в главах последних трех частей), характерная непосредственность воспоминания нарушается известным творческим домыслом, то сгущающим краски, то резче оттеняющим авторскую мысль, то просто служащим для литературного оживления рассказа.

Вместе с тем Герцен всегда сам предостерегал себя от опасности "дать всему другой фон и другое освещение", признавался, что ему "не хотелось стереть" на всем "оттенок своего времени и разных настроений".

Уровень художественной объективности и правдивости воспоминания в конечном счете определяется идейными убеждениями автора. Быть может, в других мемуарах той эпохи меньше фактических неточностей, чем в "Былом и думах", но перемещение исторической перспективы, смешение важного со случайным, тенденциозность освещения заслоняют в них объективное содержание событий, искажают действительность. "Факт — еще не вся правда, — говорил Горький, — он — только сырье, из которого следует выплавить, извлечь настоящую правду искусства"⁷.

Герцен был прав, когда, завершая работу над "Былым и думами", говорил, что они "так сильно действовали оттого, что краски верны" (письмо к сыну, 16 июня 1868 г.) Этих "верных красок" не могло быть у писателя-мемуариста, не связанного с передовым общественным движением, далекого от освободительной